

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РАЙОНА – УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ

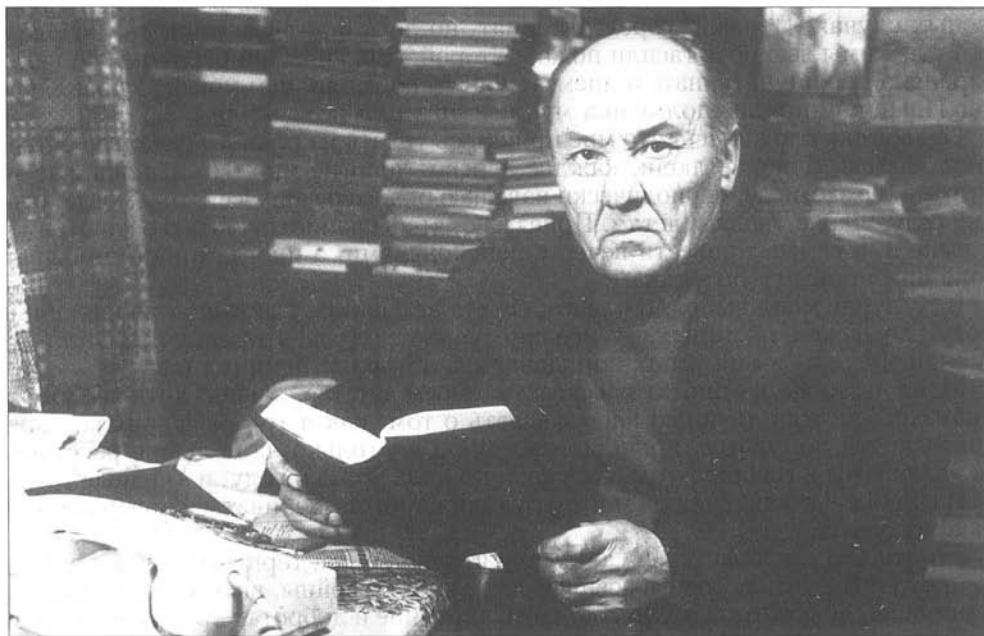
НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ВАРЮХИН

Памяти однополчан

Великая Отечественная война 1941–1945 годов застала нас, парней рождения 1924 года, еще на школьной скамье. Пока мы учились, на фронт уходили наши отцы и братья старших возрастов. Осенью 1942 года пришел и наш черед.

Солнечным сентябрьским днем собрались в военкомате, а вечером – на станцию. Весь призыв состоял из ребят, окончивших восемь, девять и десять классов, и был зачислен в Барнаульское военно-пехотное училище. Несколько человек кудундинцев, в том числе и мои одноклассники Иван Демкин, Михаил Прокопенко, Тимофей Веремьев, попали в одно подразделение.

По окончании шестимесячного курса обучения нас должны были выпустить из училища офицерами. Но этому не суждено было сбыться. Шел второй год войны. На фронтах назревали грозные события. Готовилось историческое Сталинградское сражение. И морозной февральской ночью сорок третьего года в вагонах теплушках мы выехали из Барнаула на фронт всем составом училища, просто курсантами.

Несколько суток пути через заснеженную Сибирь, затемненную Москву, над которой фашистская авиация сбрасывает бомбы с осветительными ракетами, полуразрушенная станция Бологое – и мы в прифронтовой полосе. Почти полностью уничтоженные, обезлюдившие деревни, на месте которых торчат лишь трубы, выжженные, искореженные фашистскими танками леса.

На одном из полустанков, неподалеку от железнодорожной станции, кажется, Кунья, где разгрузился наш эшелон, довелось увидеть жуткую картину, производшую на нас всех тягостное впечатление. В огромном рву, чуть припорошенном снегом, лежало множество трупов людей из числа мирного населения и находившихся в местном госпитале раненых бойцов. 9-я гвардейская стрелковая дивизия, в которую мы прибыли для пополнения, вела в те дни тяжелые оборонительные бои. Нас разместили в лесах и оврагах в нескольких километрах от передовой. По ночам оттуда доносился грохот артиллерийской канонады, треск пулеметных и автоматных очередей, перекрещивались трассы светящихся пуль, над немецкими окопами взлетали ракеты.

Все чаще фашистская авиация стала обрушивать бомбовые удары на нас. Появились первые убитые и раненые среди новичков. Мы готовились к боям. Бывалые офицеры и солдаты, фронтовики, не однажды уже побывавшие на огненной черте, делились с нами своим боевым опытом. Политработники подчеркивали, что на нас, курсантов-сибиряков, командование возлагает большие надежды, верит в нас. Эти слова подбадривали.

Ночь на 20 марта 1943 года мы с Иваном Демкиным, ставшим к этому времени командиром отделения, по заданию командира подразделения провели в боевом охранении в непосредственной близости от противника. На передовой в эту ночь было тревожно. По оживившейся с обеих сторон перестрелке можно было догадываться, что готовится какая-то серьезная боевая операция. Эта догадка подтвердилась. Приблизительно за час до рассвета прибежавший к нам в окоп связной передал нам приказ командования – оставить дозор и явиться в расположение части.

Рота была уже на ногах. Походная кухня кормила завтраком. Старшина, вспарывая штыком цинковые коробки, раздавал патроны. Мы с Иваном наскоро опорожнили котелок с горячей гороховой похлебкой и принялись набивать ранцы патронами и гранатами. Второпях, заполнив ранец боеприпасами и закинув его за спину, Иван забыл положить в него свой суточный паек хлеба. Снимать ранец уже было некогда – рота уже трогалась. «Хочешь?» – предложил он мне. Я не был сыт, но, разумеется, отказался. Тогда Иван разломил краюху надвое. Одну половину сунул в карман шинели, вторую – мне в руку.

Спустя полчаса мы прошли по льду озера и стали подниматься по крутому косогору, заросшему густым хвойным лесом, на высоту Зеленую, за которой уже шел бой. Над широкой долиной еще стоял густой утренний туман, висел дым. Поэтому в первое время фашисты, видимо, не замечали нашего приближения, но через несколько минут вдруг обрушили на нас шквал минометного и стрелкового огня. Рота рассыпалась в цепь и двинулась на вражеские позиции.

Это было наше первое крещение огнем. Для многих оно стало и последним. Целый день, ночь и еще день длился бой. К сожалению, в этот раз он не был для нас успешным. Весной сорок третьего фашисты на многих участках еще отчаянно дрались. Прорыв их сильно укрепленной обороны требовал большого мужества и не малых жертв. В том бою в районе высоты Зеленой, Липовой рощи и деревни Праники на Смоленщине погибли многие ровесники-кулундинцы. Ранен был и Иван Демкин. После его возвращения из госпиталя мы были уже в разных подразделениях. Встретиться довелось еще раз на одной из фронтовых дорог во время перемещения части. Наша часть шла в другую сторону. Та, в которой он был после госпиталя, – в другую. Мы поговорили накоротке и простились, как потом выяснилось, навсегда... В одном из наступательных боев вскоре после этого я был тяжело ранен, а он тем же летом погиб.

Не вернулись с фронта домой товарищи по взводу Тимофей Веремьев и Михаил Прокопенко, и многие другие сверстники-кулундинцы. Как я уже говорил, с Иваном Демкиным мы были особенно близки. Мы учились с ним в одной школе, в одном классе. Служили в одном отделении, ели из одного котелка, рядом были

в боевой обстановке. Это был коренастый, крепкий парень с открытыми синими, немного грустными глазами, густыми черными бровями. Скромный, молчаливый, постоянно сосредоточенный, он отличался серьезностью и зрелостью суждений, неумолим был в походе. Никогда не жаловался на трудности.

Он готовил себя к серьезной, большой жизни, стремился стать, да по существу и был в действительности, настоящим человеком. Хотя в это время, о котором идет речь, ему было всего восемнадцать лет. Как волевого, целеустремленного человека его прекрасно может характеризовать такой штрих: в обстановке постоянной смертельной опасности он писал стихи, вел дневник, насчитывавший около 500 страниц! Сам за себя говорит и такой факт. После второго ранения, будучи в госпитале, в одном из писем родителям он писал: «Несмотря на то, что я уже дважды ранен, я еще не считаю, что уже все сделал на фронте. Поэтому буду просить командование, чтобы досрочно выписаться из госпиталя и снова направили на передовую». Это было его последнее письмо.

Те, о ком сказано в этих беглых строках, не были похожими друг на друга характерами и личными достоинствами. У каждого из них были свои добрые стремления и цели в жизни. Но все они сходят в том, что не щадили себя в трудные годы, честно и до конца выполнили свой высший долг перед Родиной.

ТУГОЛУКОВ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Это очень трудно и больно вспоминать, и всего описать невозможно. Прежде всего немного о себе.

Я, 1914 года рождения, вырос в Кулунде, работал, тут же вступил в партию и из Кулунды попал защищать нашу Родину. Призвали в армию, в город Новосибирск. Там формировалась Сибирская 235-я стрелковая дивизия, куда попал и я, в 217-й истребительный противотанковый дивизион, командиром батареи. Батарея состояла из 4-х пушек. В ноябре 1941 года дивизия в спешном порядке была погружена в эшелон и отправлена на Северо-западный фронт. На четвертый день эшелон был выгружен под сильной бомбежкой с воздуха в степи под станцией Осташково Калининской области. Так как станция Осташково горела, часть наших эшелонов была разбита, мы очень быстро разгрузились и сразу же вступили в бой по направлению города Делянска. Были ужасные бои. Наша дивизия и, в частности, наш дивизион, были сильно потрепаны, много потеряли убитыми и ранеными. В батарее, где я был командиром, из 42 человек нас осталось 7 человек и 2 пушки.

Мы отражали атаки танков и пехоты. Это были тяжелые и неравные бои. Наша батарея под моим командованием была на танках брошена десантом в тыл врага. Мы тогда выполнили очень важную и ответственную задачу, поставленную перед нами, за что я был награжден орденом Красной Звезды.

Мне в составе этой дивизии, уже заместителем командира дивизиона (дивизион состоит из 4-х батарей), пришлось воевать на Орловско-Курской дуге, где немецкое командование бросило на наши войска большие силы, десятки тысяч танков и самолетов. Они рассчитывали смять нас и уничтожить на большом участке фронта и снова ринуться к Москве. Это были страшные бои. Представьте себе: над вами стаи самолетов непрерывным потоком сбрасывают бомбы разного калибра, идут в атаку танки и пехота немцев. И вот мы, наши солдаты и офицеры, смогли удержать и выстоять, перемолотить, или вернее, уничтожить основные силы врага и перейти в наступление. Эта битва и явилась переломным периодом в войне. Наша дивизия штурмом овладела городом Орлом и продолжила наступление. Немцы отступали лесами на Минск. Нас жители встречали со слезами и радостью, а какие были замученные, изнуренные люди!

Я участвовал в штурме польской столицы – Варшавы. Под городом Белосток был ранен. За эти бои я был награжден орденом «Отечественной войны» и медалью

«За боевые заслуги». Трижды получал благодарность от Верховного Главнокомандующего тов. Сталина и от командующего фронтом тов. Рокоссовского. До 1944 года я воевал под командованием тов. Рокоссовского. В 1944 году в декабре мы перешли границу Восточной Пруссии. Командовал фронтом генерал армии Черняховский, который весной 1945 года был убит на моих глазах возле наших пушек. У города Мельзак, что примерно в 20–25 километрах от Балтийского моря, куда мы наступали, а немец отступал. В ответ на эту утрату мы ответили 3-часовым налетом. Мы настолько были обозлены, что когда пошли в наступление, и немцы побежали к морю и поднимали руки о сдаче в плен, мы не брали их, стреляли. Это были оставлены смертники с отступающих кораблей. В этих боях я был ранен, а затем оперирован в госпитале. По излечении попал в часть на реке Одер. Этот рубеж был последним к Берлину. Всей операцией по прорыву этого укрепленного фронта командовал маршал Жуков. Мы были настолько уверенны и сильны! У нас было очень много техники – танков и самолетов. Я уже командовал дивизионом в звании капитана. Нам была поставлена задача прямой наводкой уничтожить танки. При артиллерийской подготовке, которая шла три часа, было море огня. Невозможно было разговаривать друг с другом, стоял непрерывный гул, все содрогалось. Наш дивизион подбил 10 танков и уничтожил много немецкой пехоты. Ко всему этому нужно добавить, что наших самолетов было столько, что не давали немцам подняться в воздух. Я в этом бою был легко ранен, но в санчасть не попал, так как передний край был прорван, и мы пошли в наступление на Берлин, о котором мы так мечтали все годы войны и каждому хотелось дожить до этого. Я счастлив, что мне пришлось брать штурмом Берлин! Немцы дрались за каждый дом и улицу. Но мы были настолько ожесточены и воодушевлены, ломали сопротивление и продвигались к центру. 2 мая Берлин сдался. Мне не пришлось участвовать в штурме рейхстага, но я видел его. Развивая наступление по приказу маршала Жукова, мы вышли из Берлина и преследовали оставшегося врага к реке Эльба. 9 мая было уже объявлено о конце войны, а наша дивизия и другие части еще воевали, так как отдельные группы немцев еще сопротивлялись и не сдавались. В этот день, 9 мая, в дивизии было убито 22 человека. Как было обидно, ведь уже знали, что война кончилась, хотелось жить! Я только в этот день почувствовал, как страшно умирать, когда уже Победа. 10 мая все стихло. Немцы бросили оружие, выходили из окопов и сдавались. Мы, все оставшиеся, плакали и смеялись, целовали друг друга. Невозможно передать радость, которая тогда была. Наши пушки стояли на берегу реки Эльба, направленные стволами на противоположный берег, а с того берега стояли направленные в нашу сторону пушки американских войск. Так мы стояли три месяца. Через реку принимали своих людей, угнанных немцами в Германию. Их переправляли бортами. Сколько было радости у этих людей, истощенных и оборванных, сколько слез и невзгод они испытали. Среди этих людей были женщины, дети и старики, пленные солдаты, всего не описать.

Да, это было страшное время, или страшные годы сражений.

У меня был парторг Щербина Андрей. Сам он украинец. Мы с ним были в окопе. Разорвалась мина. Меня легко ранило, а ему осколок попал в живот. И умирая, он меня просил дописать письмо жене и дочери, которое он начал, и просил написать, чтобы она училась и берегла свою Родину и не забывала никогда защитников, кто отдал свою жизнь и кто останется в живых, чтобы она кланялась им.

Мы при наступлении в брянских лесах нашли мальчика среди убитых. Он сидел возле своей мамы. Ему было 7 лет. Я его подобрал, и он с нами шел, вернее жил. Мы ему сшили шинель, подобрали шапку и другую одежду. И вот он не по годам был настолько озлоблен на немцев, что они убили его мать, и он говорил, что «я буду мстить и убивать». И как он плакал, когда мы его сдавали в детдом, просил, чтобы быть и воевать с нами.

Много можно писать о пройденном пути, потому что он долгий. Кроме тех наград, о которых я написал, я награжден еще 4 медалями. Имею 7 почетных грамот и благодарностей от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

РОММА НИНА САВЕЛЬЕВНА

Вероломное нападение фашистской Германии на нашу Родину тяжелой болью отразилось в моем сердце.

В тяжелом 1942 году, когда фашистские полчища рвались к Волге и на Кавказ, я решила добровольно уйти на фронт. После окончания экзаменов за десятый класс Кулундинской средней школы 1 июня 1942 года, с прощального выпускного вечера, с группой девушек я ушла в армию. Куда нас повезут – мы не знали.

12 июня 1942 года мы прибыли в город Владивосток, во флотский экипаж Тихоокеанского флота. После прохождения карантиня меня направили в 232-й Краснознаменный горно-стрелковый полк, где я приняла воинскую присягу. Этот полк являлся одной из частей береговой обороны Тихоокеанского флота, одновременно пополнял своими резервами действующие части под Москвой и в других местах.

После прохождения соответствующего обучения я стала связисткой и несла службу в штабе воинской части. После расформирования 232-го горно-стрелкового полка, в связи с отправкой всего личного состава на фронт, меня перевели во вновь сформированную 13-ю бригаду морской пехоты, где я также продолжала службу в штабе бригады.

Как известно, наряду с фашистской Германией не менее опасным врагом хищником была империалистическая Япония на Дальнем Востоке. Связанная с фашистской Германией осью «Рим-Берлин-Токио», она вынашивала планы порабощения советского Дальнего Востока и Сибири, вплоть до Урала. С нападением фашистской Германии на Советский Союз на Западе империалистическая Япония особенно нагло стала вести себя на восточных границах СССР. Японские подводные лодки неоднократно топили наши торговые суда, бесчисленное количество раз нарушали морские и сухопутные границы советского Дальнего Востока, на границе с Манчжурией была сосредоточена полутора миллионная Квантунская армия, готовая в любой момент напасть на Советский Союз с Востока.

Задача воинов 13-й бригады морской пехоты состояла в защите города Владивостока с тыла. Оттуда ожидалось нападение противника десантными войсками с моря и воздуха. Мы с честью несли эту оборону.

Советский Союз, верный своим договорным обязательствам с союзниками, 9 августа 1945 года объявил войну империалистической Японии. Сухопутные части Красной Армии, сломив сопротивление Квантунской армии, широким фронтом вырвались на просторы Китая, где Япония долгие годы располагалась, как дома. Задача военно-морских сил Тихоокеанского флота и частей морской пехоты, которые входили в его состав, состояла в том, чтобы громить противника на море и не давать возможности подвозить снаряжение и людские резервы с моря. Задача морской пехоты заключалась в блокировке японских портов. Мне лично со штабом 13-й бригады морской пехоты пришлось блокировать японский порт Сейсин.

Ночью мы в бухте «Золотой Рог» погрузились на корабли, а на рассвете другого дня перед нами открылась панорама вражеского порта. При подходе наших кораблей к порту береговые батареи противника открыли по нашим кораблям огонь, но потом вдруг огонь прекратился. Как выяснилось со слов пленных, противник решил пропустить наши корабли в порт, как в мешок, и уничтожить. Но мы успешно выса-

дילים прямо в порту, и после ожесточенных боев порт был нами взят. Японские войки бежали, оставив все, успев поджечь только танки и портовые склады.

Противник никак не мог примириться с потерей такого крупного порта, как Сейсин, и решил любой ценой сбросить наши подразделения в море. С его стороны были подтянуты стрелковая дивизия, кавалерийский полк и офицерский корпус. Но вскоре к нам на помощь подошли части 25-й армии, и победа была за нами.

За успешное выполнение задания командования 13-й бригаде морской пехоты было присвоено звание «гвардейская». Несколько воинов получили звание Героя Советского Союза. Мне были вручены медали «За боевые заслуги» и «За победу над Японией».

САЛЫКОВА (ГЛУХОВЕРОВА) ПЕЛАГЕЯ МИХАЙЛОВНА

Я, Салыкова Пелагея Михайловна, урожденная Глуховерова, родилась 4 марта 1928 года в селе Константиновка Кулундинского района Алтайского края. Отец: Глуховеров Михаил Андреевич, мать: Глуховерова Елена Григорьевна.

В селе Константиновка окончила 4 класса и 8 классов в Кулундинской средней школе в 1941 году. В сентябре 1941 года поехала учиться в Славгородский сельхозтехникум, который был эвакуирован в село Ключи. Проучилась я до марта месяца 1942 года, когда наша Родина была в опасности, я вместе с моими подругами Аней Цыганковой, Машей Тонковид, Лизой Ваулиной подали заявление о том, чтобы нас взяли добровольно на фронт защищать нашу Родину. Заявление мы подавали в Ключевской райвоенкомат. По нашей просьбе нас зачислили во вторую Ленинградскую авиашколу в городе Ишиме. В этой школе я встретилась и училась вместе с Ляховой Варварой Ивановной. В мае месяце, по окончании этой школы, мы попали в Москву для распределения по авиадивизиям. Я вместе с моими подругами, выше перечисленными, направлены были в 241-ю бомбардировочную авиадивизию, 128-й полк 16-й воздушной армии, на третий Белорусский фронт. Варвара Ивановна была направлена в другой полк. Все мы работали на самолетах Пе-2 стрелками авиавооружения. Наши самолеты в основном летали и бомбили живую силу противника и переправы. За безупречную подготовку самолетов к боевым вылетам меня в 1943 году наградили медалью «За боевые заслуги». Наши самолеты в то время летали на города Торжок, Вышний Волочек, Мценск. При наступлении наших войск на Запад наш полк принимал участие в освобождении Варшавы, за что меня и наградили медалью «За освобождение Варшавы». Войну закончила я на немецкой земле, недалеко от Берлина, и 12 июня 1945 года демобилизовалась и приехала на свою родину в село Константиновка. Работала там учителем начальных классов, а с 1951 года живу в Кулунде. Награждена медалями: «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Вооруженным силам СССР», «60 лет Вооруженным силам СССР», «За победу над Германией», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда».

Имею благодарность № 223 от 17 января 1945 года за отличные боевые действия в боях за освобождение Варшавы от Главнокомандующего И.В. Сталина.

ПОЛИТРУК (воспоминания о И.И. Фризене)

Фризен Иван Иванович – ветеран войны и труда. Все послевоенные годы, до ухода на заслуженный отдых, работал в сельском хозяйстве.

В годы минувшей войны Иван Фризен – один из активных участников партизанского движения в Ленинградской области, мужественно сражался с фашистскими оккупантами, стремившимися захватить город.

Являясь заместителем-политруком диверсионно-разведывательной группы, Фризен личным примером воодушевлял партизанских разведчиков на подвиги во имя победы над врагом.

Я хочу рассказать о боевых эпизодах нашей группы и личном участии в них Ивана Ивановича Фризена.

Осенью 1943 года войска Ленинградского фронта готовились к решительным боям с 18-й немецкой армией. Против противника усиленно велась разведка на переднем крае и в глубине его обороны. С этой целью в тыл противника забрасывались разведгруппы и отряды.

С одним из них, которым командовал педагог Леонид Викторович Каменицкий, а военкомом был чекист Михаил Федорович Лаврентьев, отправились и мы. В первой половине сентября 1943 года нас по воздуху переправили за линию фронта. Приземлились мы на парашютах в Струго-Красненском районе, более чем за 200 километров от Ленинграда.

Комиссар отряда Лаврентьев характеризовал тогда мне Фризена как храброго, преданного советскому народу человека, и назначил его ко мне в группу политруком. «Иван Фризен будет вам верным помощником и хорошим воспитателем личного состава», – говорил мне Лаврентьев.

Группа, которую я возглавлял, была небольшой – около двадцати человек. Среди них – лейтенант Виктор Агеев, украинец Вениамин Бондаренко, дагестанец Михаил Сулейманов, два немецких товарища: коммунист Иван Иванович Фризен и беспартийный Михаил Егорович Шмидт.

Нашу группу отправили в отдаленный Новосельский район, который пересекали две важные коммуникации 18-й немецкой армии – Варшавская железная дорога и асфальтированное Киевское шоссе, ведущее из Пскова в Ленинград. Задача была поставлена сложная – контролировать характер перевозок по этим магистралям в передовые немецкие части и в обратном направлении. И делать это скрытно, как говорится, под носом у противника.

В Новосельский район мы пробирались сквозь лесные чащобы и по непромерзшим болотам. Населенные пункты обходили стороной, в каждом из них мог находиться неприятельский гарнизон или предатель – староста и полицай.

Все страшно устали, буквально валились с ног и несказанно обрадовались, добравшись до лесного хутора в густом лесу, неподалеку от деревни Засеки, что в трех километрах от Варшавской железной дороги. Живший здесь Петр Егорович Фомин, человек преклонных лет, страдавший туберкулезом, не один раз выполнял задания партизан. Но меня он не знал и поэтому относился настороженно. Ему было известно, что гитлеровцы создают лжепартизанские отряды и группы, и, ра-

зумеется, ему, старику, не хотелось клюнуть на провокаторскую удочку. Затем, когда он убедился в том, кто мы, разрешил поселиться в отапливаемой риге и даже провел нас кратчайшим и безопасным путем к линии железной дороги.

Наблюдение за движением по железной дороге велось круглосуточно, равно как и по шоссе на участке Псков–Луга. Командование Ленинградского фронта ежедневно получало от нас достоверную информацию по радиопередатчику о характере грузов, перевозимых противником. Наблюдение продолжалось почти пять месяцев, т.е. с сентября 1943 года по март 1944 года.

В августе 1943 г. на Варшавской, Витебской, Прибалтийской и других железных дорогах партизаны, по указанию штаба партизанского движения и Ленинградского обкома партии, развернули так называемую «рельсовую войну». Для осуществления массовых диверсий на дороги выходили сотни партизан и местных жителей, они разрушали полотна железных дорог, мосты, станционные сооружения, телефонно-телеграфную сеть. Десятки километров дороги приводились в полную негодность за несколько дней. Осенью 1943 года гитлеровцы больше ремонтировали дороги, чем ездили по ним.

Немецкие захватчики свирепо расправлялись с местным населением, помогающим партизанам, пытались изолировать партизанские отряды, но это им не удалось, связи партизан с населением все больше укреплялись. Осенью 1943 года немецкое командование издало приказ о насильственной эвакуации населения Ленинградской области на запад.

Угон населения на запад гитлеровцы проводили коварно и с крайней жестокостью. Фашисты внезапно врываются в деревни, окружают солдатами, дают несколько часов на сборы, после чего людей сажают в машины и увозят. Их имущество подвергалось разграблению, а деревни сжигали.

В борьбе с партизанами фашисты организовывали облавы, большие экспедиции с участием регулярных войск и техники. Они прочесывали лесные массивы, устраивали засады, установили жесткий режим передвижения для оставшегося населения, усилили патрулирование железной дороги, охрану мостов и других сооружений. Они вырубали лес в местах, где он подходил близко к железной дороге, на 50–100 метров от полотна дороги.

Все эти и другие меры фашистов затрудняли нашу работу по осуществлению контроля за движением транспорта по магистралям. Но мы ни на шаг не отходили от дороги. Каждый раз приходилось прятаться, залезая в буквальном смысле в разные щели, чтобы нас не обнаружили немцы или каратели. Прятались в такие места, что фашистам и в голову не могло прийти, что почти на чистом месте, в кустарнике вышиной не более метра, совсем у самой дороги могли укрываться партизаны. И вот в таких кустарниках приходилось сидеть или лежать целыми сутками и вести наблюдение за движением вражеских транспортов по Варшавскому шоссе и железной дороге. При том, все это надо было вести скрытно, не дать себя обнаружить немецким патрулям, охранявшим дорогу. И вот в таком напряженном труде никто из партизан не жаловался на усталость или болезнь. Наверное, здесь очень большую роль играла политическая работа, которую проводил наш политрук Иван Фризен.

Политрук находил время душевно поговорить с каждым партизаном нашей группы, рассказать о событиях на фронтах войны, аргументированно разъяснить возникающие вопросы. К нему тянулись люди и особенно молодежь. И не потому, что Иван Иванович среди нас по возрасту был самый старший. Нет! Политрук умел согреть каждого из нас теплом своего сердца.

В октябре 1943 года наша группа значительно пополнилась за счет местной молодежи, взявшей за оружие против фашистских оккупантов – более 35 человек, вооруженных отечественным и немецким автоматическим оружием. У нас стало больше возможностей пресечь деятельность карателей и полицаяв, которые действовали в угоду своих хозяевам – фашистским оккупантам.

В январе 1944 года мы получили данные, о том, что карательный немецкий отряд, расположенный в поселке Новоселье, 6 января намерен совершить карательную акцию против населения, жившего в окопах лесного лагеря неподалеку от сожженной немцами деревни под названием Люта. Мы посоветовались с Фризенем и лейтенантом Агеевым и приняли решение дать бой карателям. Мы знали, что каратели на такие «прогулки» ходят группами в 40–50 человек. Мы могли противопоставить им не более 15 человек,

Подготовку группы к этой операции я поручил лейтенанту Виктору Агееву и политруку Ивану Фризену. Первый готовил огневую часть, т.е. обеспечивал оружием и боеприпасами, а Фризен отвечал за морально-политическую подготовку личного состава. Нужно было поднять боевой дух у партизан, учитывая неравенство сил.

Утром 6 января мы оставили на своей базе несколько человек автоматчиков и радиста Константина Иванова, а сами отправились в путь. Мороз инеем окрасил в серебро высокие ели, превратил лес в красивую сказку русской земли. По укутанной снежной дороге рысцой, пофыркивая, бежали лошади, не ощущая тяжести саней. Ежась от холода, партизаны безмолвно сидели, углубившись в мысли о предстоящем бое.

На нашем пути, чуть в стороне от дороги, показался одинокий дом. Из трубы ровным столбиком поднимался высоко сизоватый дымок. Прозябших партизан тянуло к теплу, но никто не жаловался мне на холод и не предлагал захватить согреться. Увидев издалека дом, Агеев и предложил мне заехать, тем более, что в этом доме жила семья, знакомая нам. Агеев высказал предположение, что хозяин может обидеться на нас. Время позволяло, и все четверо саней подкатали к дому.

«Милости прошу, заходите в дом», – увидев нас, сказал старый колхозник. Он сочувственно смотрел на озябших партизан, потом вынес из сарая душистого сена и дал нашим лошадям. Заботливый хозяин покрыл их старыми одеялами и пальто.

В доме было тепло, уютно и по-праздничному убрано. Из кухни доносился приятный запах тушеного мяса, вызывавший желание поесть домашней пищи, от которой давно отвыкли партизаны. Никто от такого обеда не отказался бы, но партизаны вели себя сдержанно и не подавали вида, что проголодались.

Но вот хозяйка дома сказала: «Садитесь, дорогие товарищи, за стол». Все сели, и тут хозяйка налила себе в рюмку несколько капель самогона и предложила тост за наступивший 1944 год. Она сказала: «Пусть новый год принесет нам победу над проклятым врагом». Отказаться от такого тоста и закусок, поставленных на стол, покрытый белой скатертью, было просто невозможно, и все выпили. Две молодые женщины: одна дочь хозяина, другая невестка, ухаживали за партизанами, подавали на стол закуски.

Второй тост, тоже предложила хозяйка. Она подняла маленькую рюмочку, посмотрела на игравшего в углу трехлетнего внука Сережу, сказала: «Давайте, сынки, выпьем за этих несчастных детишек, у которых война отобрала отцов». Она пригубила рюмку и поставила на стол, заплакала, вытерла слезы кончиком платка. Потом она рассказала, что ее сын погиб в первые дни войны, защищая Ленинград. Покатились слезы, как горошины, по бедным щекам у невестки и дочери хозяев.

Маленький Сережа тяжело сопел, удерживаясь от слез. Малыш бросил играть, подбежал к столу и, размахивая самодельным деревянным ружьем, закричал: «Не плачь, бабушка, я скоро вырасту и убью немца за то, что он убил моего папу». Сережа прижался лицом к рукам бабушки и тоже заплакал. Малыша успокоили партизаны, пообещали ему отомстить фашистам за смерть отца.

Каждый из нас тогда мысленно поклялся отомстить за страдания детей и слезы матерей, потерявших на войне своих сыновей, за все кровавые преступления фашистов.

Спустя 40–50 минут, после того, как партизаны оставили дом доброжелательных хозяев, мы подъехали к другому маленькому приземистому домишке,

стоявшему на поляне в еловом лесу. В этом доме жила семья нашего партизана Ивана Степанова: мать и сестра. А рядом было еще несколько таких же домиков-временок, построенных после того, как гитлеровцы сожгли деревню за связь с партизанами. Мы осмотрели дорогу, по которой, как предполагалось, придут каратели, предупредили жителей о возможном появлении карателей и принялись за дело. Агеев и Фризен с группой партизан выдвинулись вперед, как бы навстречу карателям, а мы с другой группой прикрывали фланги.

Каратели не заставили себя долго ждать. Мы их увидели издалека. Шли они длинной цепочкой один за другим, вытянулись на несколько десятков метров.

– Сколько же их, паразитов? – шепнул мне юноша, лежавший рядом со мною на снегу.

Я ответил, что считать их некогда, да и не к чему. Каратели шли к поляне, а затем остановились и начали о чем-то между собой говорить. Прошло всего несколько минут, как появились каратели, но нам казалось, что время шло очень медленно. Напряжение у нас было, что называется, на пределе нашего терпения. Это я почувствовал на себе. Но верил в мужество своих товарищей и знал их характер, что они не дрогнут, даже перед смертельной опасностью.

Посоветовавшись, каратели начали цепью обходить поляну, на которой стояли избы колхозников. И вот тут заговорили одновременно двенадцать автоматов и ручной пулемет. С трех сторон партизаны поливали фашистов свинцовым дождем. От внезапности они бросились в лес, но и там, с одной стороны Фризен с группой партизан, а с другой – я, начали вести уже прицельный огонь, расстреливая убежавших карателей. Наши силы были далеко не равными, но мужество советских партизан заставило карателей бежать, оставив не подобранные трупы убитых. А их мы насчитали больше десятка.

В этом бою отличились Бондаренко Вениамин, Иван Фризен, Виктор Агеев, местный партизан Николай Дмитриев и др.

Участвовал политрук Фризен и в других боевых операциях против фашистских захватчиков и их прислужников на территории Ленинградской области, оккупированной гитлеровскими войсками.

А. Д. Проценко

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШИХ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ПОЛК-СЛОБОДА

Ромашенко Дмитрий Никифорович вспоминает:

– Мой отец приехал в 1909 году из Черниговской области. Я родился в 1926 году. В семье нашей было семеро детей. Отец работал пастухом, мать – звеньевой в ефремовском звене. Это был опытный участок, выращивали там капусту, коноплю, морковь. В 1931–32 годах был голод. Отец увез семью в Минусинск. Там конфисковали корову, жить стало тяжело. В 1937 году вернулись назад.

В первый класс я пошел в 12 лет, а до этого помогал отцу пасти. Учителем был Свиркин Алексей Федорович, приезжий из Москвы. Он еле отпросил меня у отца. Школа была четырехлетка. В одной комнате занимались все четыре класса, учеников было примерно 25 человек. Принимали нас в пионеры. На 1 мая и 7 ноября водили в Виноградовку на митинг и демонстрацию. На Новый год елки не было, далеко было ездить за ней. Так мы с ребятами пойдем в сад, выберем дерево «покудрявей», привезем в школу. Бумагу покрасим красками, наделаем игрушек, украсим «елку», вот и веселились. А зимы какие были! Землянки задует по самые крыши. Неделю дует-дует, потом туннель прокапываем в снегу, дров не было, топили печку киззяками, тепло было. Когда окончил школу, пошел сразу работать в